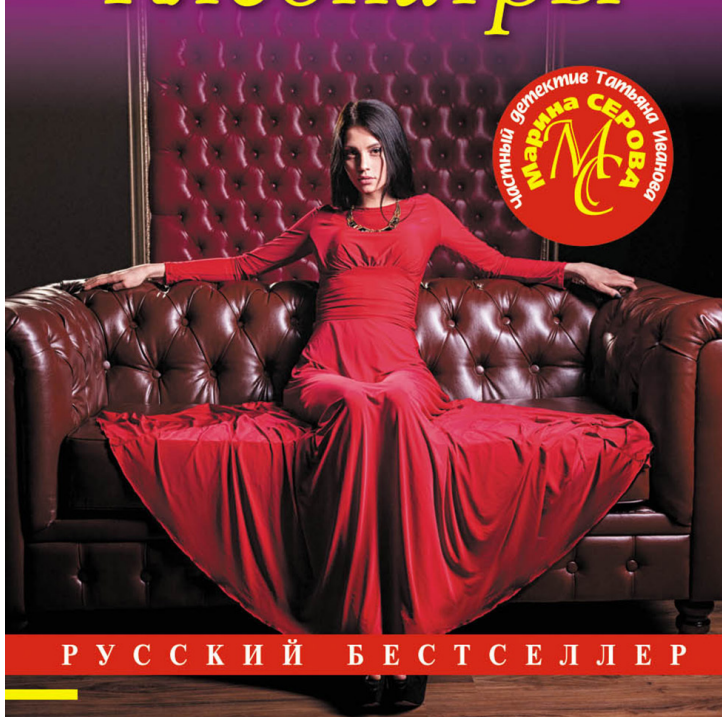

Марина
СЕРОВА

Последняя ночь
Клеопатры

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Последняя ночь Клеопатры
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39484416

Последняя ночь Клеопатры / Марина Серова: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-096916-6

Аннотация

К частному детективу Татьяне Ивановой обратилась подруга Лена с довольно необычной просьбой: сходить на бесплатный психологический тренинг «Секреты счастливого замужества». Таня совсем не рвалась в ряды «брачующихся», и марш Мендельсона звучал абсолютно не для нее, но как отказать любимой подруге, которая очень уж захотела замуж. Никто и не подозревал, что известный и раскрученный психолог Листопадов, который должен был вести тренинг, окажется впутанным в одно криминальное дело об убийстве молодой и привлекательной Елизаветы Городниченковой, которым как раз и занималась Татьяна Иванова...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Марина Серова

Последняя ночь Клеопатры

© Серова М.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * ***

Глава 1

Тот, кто напал на меня сзади, сделал это так внезапно, что я не успела издать ни одного звука. После удара в затылок я почувствовала, как мою голову обхватил какой-то мешок. Потом мне зажали рот и нос, и тут же в мое правое бедро вонзилась тонкая игла... Скорее всего, я потеряла сознание от той наркотической дряни, которую мне вкололи. Когда я наконец очнулась, то сначала почувствовала свой тупо ноющий затылок. Открыв глаза, я тут же закрыла их, потому что все пространство занимали какие-то плавающие светящиеся точки. Немного подождав, я вновь открыла глаза. Светящиеся точки исчезли, и теперь я уже могла различать предметы. Сначала я перевела взгляд на свои руки. Они были крепко связаны бельевой веревкой. Жутко хотелось пить. Я попробовала разлепить ссохшиеся губы, но у меня ничего не получилось. Ага, губы были заклеены скотчем. Руки мне связали спереди, это хорошо. Можно будет попробовать снять скотч. Но когда я попыталась просто пошевелить пальцами, они отказались меня слушаться: настолько они затекли, как, впрочем, и все тело.

ТЬфу, ну и приснится же такое! Я открыла глаза. Надо мной ярко сияло мое родное тарасовское солнце, ласковый ветерок слегка обдувал со всех сторон. Я окончательно очнулась от кошмарного сна, который, однако, был не так уж

и далек от реальности: совсем недавно, проводя очередное расследование, я попала в похожую переделку. Теперь надо заняться медитацией, чтобы восстановить психологическое равновесие.

«Иди, иди, Красный Шар по Малому Небесному Кругу, наполовину внутри, наполовину снаружи. Иди, иди... Кажется, есть, кажется, нет...»

– Тань, ты что, не слышишь меня, что ли? – моя подруга Ленка-француженка похлопала меня по плечу.

Мне пришлось спешно завершать медитацию Чжун Юань Цигун. «Иди, иди, Красный шар, в Нижний Дань-Тянь».

– Прости, ты что-то сказала? – спросила я Ленку.

– Я пригласила тебя на тренинг, он, кстати, бесплатный, – ответила Ленка, – а ты дрыхнешь тут.

– Лен, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – заметила я ей, лениво переворачиваясь на другой бок на раскаленном за день песке городского тарасовского пляжа. – И кстати сказать, я совсем не дрыхну, как ты изволила выразиться, а медитирую.

Вот погодка! Уже начало сентября, а жара стоит, как будто сейчас середина лета. Хотя лето в этом году было довольно прохладное и дождливое. И вот теперь, надо полагать, лето наверстывает упущенное. Небо голубое-голубое, нет ни одного даже самого маленького облачка. Хоть бы ветерок подул, нет, полный штиль.

– Да ладно тебе, какая еще мышеловка, – не отставала

Ленка, – это же только тренинг, ничего страшного там с нами не случится.

– Как знать, как знать, – протянула я, – психология, видишь ли, вещь тонкая. А кстати, чего это тебя потянуло туда?

– Тань, понимаешь, я хочу выйти замуж, – Ленка молитвенно сложила руки и с мольбой посмотрела на меня. – Тренинг так и называется: «Секреты счастливого замужества».

– Лен, хочешь, я дам тебе совет? Когда тебя накрывает желание выйти замуж, ты надеваешь старый замызганный халат, влезает в растоптанные шлепанцы, накручиваешь волосы на бигуди и отправляешься на кухню варить щи. Уже через полчаса тебя отпустит, вот увидишь.

– А если кроме шуток? – Ленка надула губы, кажется, она обиделась.

– А если кроме шуток... Хочешь замуж – выходи, – пожала я плечами, – кто же тебе не велит.

– Тань, ты не понимаешь. Я хочу – и не хочу, – как-то туманно объяснила подруга.

– Истомина, не дури мне голову. Как такое может быть? «Хочу и не хочу». Ты уж определись, – попросила я.

– Ох, Таня, как же ты не можешь понять, – Ленка вздохнула. – С одной стороны, я действительно хочу иметь мужа, детей, семью, одним словом. Но это – только заявленное намерение.

– А на самом деле? – спросила я.

– А на самом деле не хочу я замуж, и это и есть истинное

намерение, – ответила подруга.

– Ленк, признавайся, откуда ты нахваталась подобных заморочек? «Истинное намерение», «заявленное».

– Из психологии, Тань, все оттуда, – ответила Ленка. – Мы ведь дети своих родителей. Поэтому то, что они заложили в нас еще в раннем детстве, мы потом приносим в свою взрослую жизнь. К примеру, вот моя мама считает, что мне свою жизнь надо прожить так, как она прожила свою. Но ведь я, хотя и являюсь ее дочерью, все-таки совершенно другой человек. И я не могу, да и, если честно, не хочу повторять ее судьбу. Но в последнее время я стала часто ловить себя на мысли, что невольно я все-таки копирую свою маму в том, что касается отношений в семье. Наверное, поэтому и мои собственные отношения с мужчинами не складываются так, как бы мне хотелось. Вот я и хочу разобраться, почему у меня так все получается.

И Ленка снова принялась за свое:

– Тань, ну что тебе стоит составить мне компанию? Заодно и в себе разберешься. Тренинг проводит известный психотерапевт Георгий Листопадов, кандидат медицинских наук.

«А чего мне в себе разбираться? – подумала я. – Да и не люблю я это дело: ковыряться в себе. К тому же я точно знаю, что в отличие от Ленки замуж я не хочу. При моей-то работе какое уж там замужество. Так что мои намерения, и истинное, и заявленное, совпадают. Но с другой стороны, если

Ленка, можно сказать, слезно меня умоляет, так почему бы и не пойти ей навстречу? Все равно ведь сейчас я свободна: только что закончила очередное расследование».

– Ладно, Лен. Пойдем мы с тобой на этот тренинг, – сказала я. – Чем черт не шутит? Вдруг, как говорится, славным пирком да за свадебку. Надеюсь, пригласишь на свадьбу, подруга?

– Тань! – Ленка всплеснула руками. – И ты еще сомневаешься? Да ты же будешь моей свидетельницей! Разве непонятно?

– Понятно, с тобой мне все уже понятно, – сказала я. – Когда там твой этот тренинг начинается?

– Значит, так, сегодня у нас пятница. А тренинг состоится завтра, в субботу.

– У тебя ведь по субботам уроки тоже есть, – заметила я.

– Уроки у меня до двух часов, а тренинг начинается в три дня. Вот если ты за мной заедешь... – начала она.

– Ладно, заеду, – согласилась я.

На следующий день я, как и обещала Ленке, заехала за ней в сто третью школу Трубно́го района, в которой моя подруга преподавала французский язык.

Перемена еще не началась, и в коридорах школы стояла гулкая тишина. Но уже буквально через несколько минут прозвенел звонок, и все двери школьных кабинетов распахнулись настежь. Тишина в школе мгновенно исчезла, воздух наполнился шумом и гамом сотен голосов. И началось! Де-

вочек выносит и сминает волна рвущихся на свободу мальчишек. Тут же, у двери, одному из них кто-то поставил подножку, и он целеустремленно заскользил по коридору, сбивая на своем пути чьи-то ноги. На него как подкошенные падают другие школьники. А сзади жаждущая свободы толпа пытается пробить искусственный затор. Их лиц я не вижу. В воздухе машут только руки и рюкзаки. Хотя нет, только что я увидела и ноги! Наконец-то из классов выходят учителя. Довольно пышная дама бросилась разгребать завал, мужчина из соседнего кабинета начал ей помогать. Постепенно девочки нашли свои места у подоконников и принялись о чем-то секретничать. Неподалеку от них взъерошенный мальчишка пытается оторвать дверную ручку: его не пускают в класс. А где же Ленка? Что-то ее не видно. Ладно, подожду еще. Я снова принялась обозревать школьный коридор. С лестницы постоянно слышались вопросы: «А у какого кабинета? Сколько у нас еще уроков? Шизика, литература, и все? (Какие юмористы, физика у них шизика, литература – литература.) Уря, уря! А кто помнит, какой у нас сейчас урок? Ах, очень странный иностранный? А ты его выучил? Нет? Ну и ладно, на уроке что-нибудь придумаем!» А другая компания пристроилась у кабинета, пытаясь что-либо рассмотреть из одной-единственной правильно заполненной тетради, скорее всего, отличницы. Счастливчик, которому повезло оказаться перед самой тетрадкой, с умопомрачающей скоростью все оттуда списывает. Его рука мелькает над строчка-

ми, оставляя там, помимо кривых букв, помарки и ошибки.

В другой стороне с видом заговорщиков стоит компания девочек из старших классов и что-то яростно обсуждает. Самого смысла обсуждения я, конечно, понять не смогла, я слышала только восклицания: «Да тише ты... А вдруг услышат?» И вдруг с другой стороны коридора послышался чей-то отчаянный вопль. Оказалось, что это был зов о помощи со стороны несчастного дежурного, не сумевшего задержать стремящуюся вниз толпу учеников. Со стороны это вполне походило бы на соревнование по бегу. Я вспомнила свои школьные годы. Кажется, в мое время мы так отчаянно не гоняли по коридору. А все равно хорошо было. Жаль, что ничего больше уже не повторится. Ну вот, наконец-то появилась Ленка. Вид у нее был донельзя уставший.

– Ты где пропадала? – спросила я ее. – Уже все, кому не лень, высыпали в коридор, а ты все еще в кабинете. Никак не можешь расстаться со своими архаровцами?

– Да какие они архаровцы, – Ленка махнула рукой, – вполне себе нормальные дети, чего ты на них бочку катишь?

– Видела я этих нормальных детей, чуть школу не разнесли, – заметила я. – Ну, что? Едем?

– Едем, конечно, едем, – сказала Ленка.

Тренинг проходил в конференц-зале торгово-развлекательного комплекса «Парус». Мы с Ленкой вошли в зал и огляделись. Здесь собрались и совсем юные девушки, можно сказать, желторотые пигалицы, и наши с Ленкой ровесницы,

и дамы вполне себе «бальзаковского возраста». Одеты они тоже были по-разному: кто-то в недорогих спортивных костюмах, а кто-то и в прикиде от модных домов.

Тренинг на тему счастливого замужества собрал полный конференц-зал. Никак не меньше, чем сто человек. Многие слушательницы, кажется, собрались конспектировать тему, потому что у многих в руках я заметила блокноты и ручки. Свободных мест не было, нам с Ленкой дежурная принесла стулья, и мы сели в самом последнем ряду. Примерно с полчаса в зале играла несколько заунывная тягучая музыка. В зале царил полумрак и пахло какими-то благовониями.

Но вот на сцену вышел то ли рокер, то ли эстрадный певец. Длинноволосый, с большими темными очками на лице (позже он их, правда, снял), высокий, атлетически сложенный мужчина лет сорока – сорока пяти был одет в молодежные джинсы с кроссовками и белую футболку с иностранными надписями. Около нас раздался восторженный шепот: «Листопадов, Листопадов, ах!» Так это и есть знаменитый Листопадов? Ничего себе! Как-то не соответствует такой облик представлению о том, как должен выглядеть классический психоаналитик. За Листопадовым в некотором отдалении прошествовала молодая женщина с распущенными светлыми волосами и в длинном, в пол, пестром платье. Психоаналитик представил женщину залу – это, оказывается, была не кто иная, как Радомила, носительница древних знаний, касающихся рода, семьи и брака. Радомила склонилась

в глубоком и долгом поклоне, во время которого Листопадов удалился со сцены. Зал разочарованно выдохнул. Я ткнула Ленку в бок:

– Лен, ты, кажется, уверяла меня, что тренинг будет вести знаменитый психоаналитик Георгий Листопадов, кандидат медицинских наук. Так?

– Да, так было написано, но... я сама ничего не понимаю, Тань, – недоуменно пробормотала Ленка.

Между тем Радомила, наконец-то разогнувшись, вышла из поклона и озадачила слушательниц вопросом:

– Все вы собрались здесь для чего? Чтобы выйти замуж?

– Да, – нестройно прозвучал ответ.

Интересно, а для чего тогда и идти на тренинг с таким знаковым названием? И тут Радомила начала объяснять залу, что счастливое замужество напрямую зависит от того, какого мужчину женщина выбирает себе в мужа. По ее мнению, внимания заслуживают только миллиардеры-олигархи, депутаты, банкиры и крупные бизнесмены. Все! На остальных и время нечего тратить. Ну что же... Вопрос только в том, где взять столько олигархов? Однако ведущая тут же высказалась в том духе, что да, таких обеспеченных, а стало быть, и достойных мужчин действительно мало, и поэтому за них необходимо драться. А иначе запросто можно остаться с носом, то есть незамужней. Однако выйти замуж за достойного мужчину – это, по словам Радомилы, только полдела. Мужчине надо постоянно улыбаться и постоянно его удив-

лять, чтобы он не заскучал, потому что скука напрочь убивает отношения. Как удивлять? Да легко! Можно грохнуть об пол его любимый кальян, можно порезать салон его «Майбаха». И... тут же, не давая опомниться, станцевать ему первоклассный стриптиз!

Зал дружно заплодировал. А потом все наперебой стали предлагать свои варианты. На прощание Радомила объявила, что желающие могут получить у нее индивидуальные консультации, разумеется, за плату. Собственно, этого и стоило ожидать. Вся эта бесплатная «мышеловка» была задумана для того, чтобы найти клиенток.

Тренинг закончился. Мы с Ленкой вышли на улицу и посмотрели друг на друга.

Я вообще-то с самого начала поняла, что ничего серьезного ждать от подобного мероприятия нечего. Однако я и предположить не могла, до какой степени нелепые постулаты можно преподносить доверчивым слушательницам. Но что самое удивительное, так это то, что женщины всех возрастов внимательно слушали «гуру» и принимали все услышанное за чистую монету.

А ловко они придумали маркетинговый ход со знаменитым психотерапевтом Георгием Листопадовым. Конечно же, это было сделано с одной-единственной целью: привлечь аудиторию. Непонятно только, как мог ввязаться в это действие дипломированный специалист? Хотя это можно объяснить: наверняка Листопадову хорошо заплатили за рекламу

так называемого «тренинга».

– Ладно, Лен, не бери в голову, – сказала я на прощанье подруге. – Прорвемся, где наша не пропадала!

Ленка лишь удрученно мотнула головой:

– Тань, я не смогу грохнуть об пол не то что кальян, а просто старую чашку. Не быть мне замужем, чует мое сердце.

Всю следующую неделю я изнывала от безделья. Правда, нельзя сказать, что я совсем ничего не делала. Я встрети-лась со Светкой-парикмахершей, мы славно посидели с ней в недавно открытом кафе. Потом я еще несколько раз побы-вала в бутиках и прикупила классный брючный костюм цве-та парижской зелени, который очень гармонировал с цветом моих глаз. Но клиентов на очередное расследование пока что не было. Кроме ничегонеделания меня уже начали угнетать мысли о том, что мало-помалу надвигается безденежье. Од-нако я с оптимизмом смотрела в будущее и верила, что долго без работы не останусь. Так и получилось. Рано утром раз-дался телефонный звонок. Номер, который высветился, был мне неизвестен.

– Я слушаю, – сказала я и потянулась со сна.

– Мне срочно нужна Татьяна Александровна Иванова, – нервно произнес женский голос.

– Говорите, я вас слушаю.

– Это вы Татьяна Александровна? – женщина на другом конце провода, видимо, сомневалась.

– Да, это я. Я – Татьяна Александровна Иванова, – с рас-

становкой произнесла я.

– Значит, вы частный детектив, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказала женщина.

Мне, если честно, все это уже стало надоедать. Звонит ни свет ни заря и начинает по сто раз спрашивать одно и то же.

– Послушайте, у вас ко мне какое-то дело? – как можно более сдержанно спросила я.

– Да, да, конечно, у меня к вам срочное дело, – вдруг зачастила женщина. – Вы извините меня, пожалуйста, Татьяна Александровна, я сейчас несколько не в себе, у меня горе – убили единственную дочь, поэтому... А ваш телефон дала мне... – Она назвала имя-отчество одной известной тарасовской дамы, которая была вхожа в местную элиту и которой я как-то помогла выпутаться из довольно неприятной ситуации. – Татьяна Александровна! – почти взмолилась женщина. – Пожалуйста, помогите мне!

– Хорошо, – сказала я, – запишите мой адрес и приезжайте. И примите мои соболезнования по поводу дочери.

Я продиктовала ей свои координаты, а затем стала спешно наводить порядок к приходу клиентки. Я еще успела принять душ и наскоро перекусить парой бутербродов с ветчиной. Я уже было поставила на огонь джезву, чтобы приготовить свой любимый кофе, но тут в дверь позвонили. Ну что же, значит, не судьба мне сейчас смаковать этот напиток. Да к тому же наспех выпить кофе в моем понимании – просто кощунство. Ладно, оставим это на потом.

Я прошла в прихожую и открыла дверь. В тамбуре стояла невысокая, можно даже сказать, низенькая и вся какая-то приземистая женщина лет шестидесяти пяти на вид.

– Татьяна Александровна, это я, я вам совсем недавно звонила. Меня зовут Алевтина Григорьевна Городенчикова, – прямо с порога отрекомендовалась женщина.

– Проходите в гостиную, – предложила я ей и посторонилась, пропуская вперед.

Городенчикова села на диван, а я расположилась в своем любимом кресле. Теперь я разглядела свою посетительницу получше. У нее было круглое лицо, обрамленное каштановыми, слегка вьющимися волосами. В глаза бросался избыток косметических средств, который в ее возрасте был излишним, поскольку лишь подчеркивал морщины и обвисшую кожу. Одета Алевтина Григорьевна была в черные брюки и тунику в черно-белую полосу. В руках она держала черный пиджак и сумочку.

– Итак, – начала я, – вы сказали, что у вас погибла дочь и вы хотите... Чем я могу вам помочь, Алевтина Григорьевна? – спросила я Городенчикову.

– Как чем? – воскликнула она. – Естественно, найти убийцу моей дочери!

– Но ведь, насколько я понимаю, расследованием этого убийства уже занимается полиция. Ведь так?

– Занимается, да, конечно, они занимаются! – нервно проговорила Городенчикова.

– Вас что-то не устраивает в их деятельности? – осторожно спросила я.

– А что же там может устраивать? – задала она риторический вопрос. – Позавчера мою дочь убили, – Городенчикова всхлипнула и вытащила из сумочки носовой платок.

– Принести вам воды? – спросила я.

Я решила не доводить дело до истерики, которая могла вот-вот начаться у моей посетительницы, а предупредить ее.

– Да, пожалуйста, если можно, – попросила Городенчикова.

Я принесла из кухни стакан воды и поставила на журнальный столик. Женщина сделала несколько судорожных глотков.

– Я слушаю вас, Алевтина Григорьевна, – снова обратилась я к своей потенциальной клиентке. – Так мы с вами остановились на том, что вы недовольны тем, как расследуется убийство вашей дочери. Я вас правильно поняла?

– Да, да, именно так. Прошли уже сутки, а убийца так и не найден, представляете?!

– Конечно, представляю, Алевтина Григорьевна. Раскрыть убийство спустя всего двадцать четыре часа – такое, в принципе, возможно. Но, должна вам сказать, не всегда получается, – заметила я.

– Ах, они вообще ничего не делают! – Городенчикова в сердцах махнула рукой и чуть не опрокинула на пол стакан с водой.

– Давайте, вы расскажете мне все с самого начала, – предложила я. – Вы уже сказали, что позавчера вашу дочь убили. Кто обнаружил ее? И где это произошло?

– Я, я это обнаружила! Моя дочь – Городенчикова Елизавета Максимовна. Я позвонила ей позавчера вечером, но Лиза на звонок не ответила. Тогда я поехала к ней домой и... Моя девочка лежала в гостиной в луже крови! Ей размозжили голову! А ей только-только исполнилось тридцать шесть лет! Еще жить да жить, – Городенчикова снова всхлипнула.

– Алевтина Григорьевна, скажите, чем занималась ваша дочь? Где она работала? У нее есть муж, дети?

– Работала? – недоуменно переспросила Городенчикова. – А зачем ей работать? Нет, конечно, сначала она работала. После того, как окончила наш Тарасовский педагогический университет.

– И где же она работала? – решила я уточнить.

– Да сначала она немного поработала секретарем в нашей телерадиокомпании, а затем вышла замуж за весьма состоятельного мужчину. Детей у них не было, хотя Лизочка очень хотела ребенка. Потом ее муж умер, и вот... – Городенчикова снова поднесла платок к глазам.

– Понятно, – сказала я. – Значит, после того как ваша дочь вышла замуж, она больше нигде не работала.

– Но зачем ей было работать? – Городенчикова снова посмотрела на меня непонимающим взглядом. – Я же говорю, что ее муж был очень обеспеченным человеком.

– Ясно. Скажите, пожалуйста, а чем же в таком случае занималась ваша дочь? Ну, как выглядел ее обычный распорядок дня? Куда она ходила, с кем общалась?

– Лизочка вставала, ухаживала за собой, ну, там косметические маски, лосьоны, крема, сыворотки. Потом она посещала визажиста и парикмахера, ходила в бассейн, тренажерный зал. Кроме того, у нее была масса знакомых, которым она наносила визиты.

– Визиты домой? – уточнила я.

– Домой, и не только. Лизочка любила ходить в рестораны, любила повеселиться, – глядя прямо перед собой и раскачиваясь из стороны в сторону, ответила женщина.

Я подумала, что такое не совсем естественное поведение, скорее всего, вызвано гибелью дочери. Или каким-то нервным расстройством.

– Алевтина Григорьевна, еще один деликатный вопрос: у вашей дочери были поклонники? – спросила я.

– Ах, ну конечно же, были! Лизочка была очень красивой женщиной, мужчины наперебой ухаживали за ней, еще когда она была подростком, – ответила Городенчикова.

– Кто именно за ней ухаживал? Я не имею в виду подростковый возраст, – уточнила я. – Понимаете меня?

– Конечно. У Лизочки был друг. Его зовут Валентин. Ласточкин Валентин.

– Чем он занимается? – спросила я.

– Кажется, он работает юристом в какой-то крупной

компании. Да, компания называется «Российская недвижимость».

– Скажите, у вас есть предположения, кто мог убить Елизавету Максимовну? Может быть, она с кем-то конфликтовала или крупно поссорилась? Кто-то мог затаить на нее зло? – Я вновь стала задавать серию вопросов, пытаясь отыскать мотив убийства молодой красивой женщины.

– Не знаю... Нет... Ни с кем она не ругалась.

– А как давно умер супруг вашей дочери? Сколько с тех пор прошло лет?

– Да лет пять уже будет, – ответила Городенчикова.

Хорошо же он обеспечил Лизочку! Пять лет нигде не работать и жить себе припеваючи, посещая косметолога и увеселительные заведения типа ресторанов. Впрочем, Елизавету вполне мог содержать кто-нибудь из ныне живущих обеспеченных мужчин. Хотя бы тот же Валентин Ласточкин. Юристы ведь неплохо зарабатывают.

– Алевтина Григорьевна, а была у вашей дочери близкая подруга? – спросила я.

– Конечно же, была! Это Катенька Расторгуева. Она является независимым консультантом международной косметической компании «Люксери косметикс». Знаете, где находится галерея «Каштан»? Вот там Катенька и работает. У них такая замечательная косметика! Лизочка постоянно пользовалась ею. Я тоже частенько заглядываю к Катеньке. Хотите, я порекомендую вас? Они работают по рекомендациям, ко-

которые дают их постоянные клиенты, – пояснила Городенчикова.

– Понятно. В квартире ничего не пропало из ценных вещей? – задала я следующий вопрос, оставив без внимания тему рекомендаций.

– Нет, ничего. Вроде бы все осталось на месте... как будто бы, – не очень уверенно произнесла Городенчикова.

Кажется, можно подвести первые итоги. Елизавета жила жизнью женщины, имеющей массу свободного времени и средств. Потом ее супруг умер, но сумел обеспечить ей безбедное существование. Она любила ходить по ресторанам и, обладая эффектной внешностью, не испытывала недостатка в поклонниках. Кто же мог ее убить? Вариантов – масса. Хоть близкая подруга косметолог Катенька, хоть близкий друг юрист Валентин Ласточкин. Мотивы? Да самые разнообразные, хотя бы элементарная ревность. Ревновать могла как подруга, скажем, Елизавета отбила у нее любовника, или же сам сердечный друг. Узнал, к примеру, что Елизавета предпочла ему другого, и все! В состоянии аффекта лишил жизни любимую женщину. Но это всего лишь две версии из многих других предположений. Надо все проверять.

– Алевтина Григорьевна, я согласна взяться за расследование убийства вашей дочери. Кстати, вы знаете мои расценки? – спросила я.

– Да, это мне известно, – сказала Городенчикова. – Вот, возьмите.

Она раскрыла сумочку и протянула мне деньги.

– Теперь мне необходимо осмотреть квартиру вашей дочери, – сказала я.

– Конечно, сейчас я вас туда отведу. Это совсем недалеко отсюда.

– Давайте поступим следующим образом. Сначала я отправлюсь в Городской отдел полиции, чтобы узнать, на каком этапе находится расследование, а...

– Да, да, вы уж, пожалуйста, узнайте, почему они так задерживают! – снова воскликнула Городенчикова.

И почему она вбила себе в голову, что все преступления должны раскрываться молниеносно? Впрочем, Городенчикова производит впечатление неуравновешенной особы, если не сказать больше.

– Давайте встретимся с вами, ну, скажем, через час, – предложила я. – Скажите адрес, куда мне надо подойти. Да, и еще на всякий случай мне нужно знать ваши координаты.

– Улица Рабочая, дом восемнадцать дробь двадцать пять, квартира пятнадцать, – Городенчикова назвала место проживания своей дочери, а потом продиктовала свой адрес и номер телефона.

– Спасибо, Алевтина Григорьевна. До встречи, – сказала я.

Прежде чем отправиться в полицию к своему другу, полковнику Владимиру Кирьянову, я сначала набрала его номер. Володька оказался на месте и обрадовался моему звон-

ку.

– Сколько лет, сколько зим! Ты совсем меня забыла, Танюха, – притворно пожаловался он.

– Сейчас я исправлю эту оплошность, – пообещала я, – жди меня минут через пятнадцать-двадцать.

Я сняла с себя домашнее трикотажное платье и надела новый брючный костюм. Потом причесалась, высоко подняв волосы, и закрепила их на макушке заколкой. Неброский дневной макияж завершил мой образ. Я спустилась по лестнице и направилась к своей бежевой «девятке». Вскоре я уже открывала дверь в кабинет Кирьянова.

– А вот и я! Здравствуй, Володя, еще раз, – поприветствовала я Кирьянова и вошла в кабинет.

– Ну, давай, рассказывай, как жизнь молодая, чем занимаешься? – поинтересовался Владимир.

– Да вот, Володя, жила я себе, жила – не тужила, как вдруг сегодня свалилась на мою голову Городенчикова Алевтина Григорьевна, – тут я сделала паузу и испытующе посмотрела на Кирьянова.

Он невозмутимо молчал.

– Так вот, – стала тогда продолжать я, – эта дама с ходу пожаловалась мне, что прошли уже целые сутки, а полиция еще не нашла убийцу ее дочери, Городенчиковой Елизаветы Максимовны. Как тебе такое безобразие?

Владимир тяжело вздохнул.

– Что я могу тебе сказать? Городенчикова и нам уже все

мозги вынесла. Грозилась даже в прокуратуру пожаловаться.

– Володь, а какие версии имеются у следствия? – спросила я.

– Версий хоть отбавляй, во-первых, ревность. Если один из ее ухажеров обладал несдержанным характером, то вполне мог совершить убийство, – пояснил Кирьянов.

– В состоянии аффекта, ты хочешь сказать? – спросила я. Ведь совсем недавно и я рассматривала эту версию.

– Да, именно так. Сколько уже было таких случаев! Такая ярость накатит, что в глазах темнеет, ревнивец совершенно не осознает, что творит. Сначала убьет, а потом, когда придет в себя, начинает волосы на себе рвать, да уже поздно, человека к жизни не вернуть. Да... А потом, убить Елизавету мог и грабитель. Допустим, в квартиру забрался вор, а в это время домой возвращается Елизавета. Грабитель, возможно, рассчитывал только оглушить ее, но удар оказался смертельный. Еще один вариант – это бытовая ссора. Скажем, с соседкой или с соседом.

– Кстати, – ухватилась я за это предположение, – соседей уже всех опросили?

– Шутишь ты, что ли, Иванова? – Владимир поднял на меня усталые глаза. – Какой опрос соседей, да и вообще свидетелей практически ночью? Мать убитой позвонила в половине одиннадцатого ночи. Никто и дверь-то не открыл. На следующий день да, с соседями поговорили. Но ясности это не прибавило, – заметил Кирьянов.

– Иными словами, ничего не видел, ничего не слышал, ничего никому не сказал? – закончила я мысль Кирьянова.

– Вот-вот, именно так! Правда, остались неопрошенными соседи слева по причине их отсутствия.

– А когда они будут, тоже неизвестно? – спросила я.

Владимир пожал плечами:

– Возможно, они сейчас на даче. Но это только предположение. К тому же я бы не возлагал на них особой надежды. Не факт, что они могли заметить что-то стоящее.

– Да, ты прав. Однако все-таки следует дождаться их появления и поговорить. А вдруг? Да, Володь, а что со следами? – спросила я.

– Тут, Тань, все глухо, – признался Кирьянов. – Нет, все сделали как надо. Сняли следы, где это было возможно. Но дело в том, что убийца оказался тоже не лыком шит.

– То есть?

– Во-первых, он устроил жуткий беспорядок, – начал объяснять Владимир. – Конечно, для того, чтобы скрыть возможные улики. Представь себе, все вещи, которые находились в гостиной – на месте убийства, были сброшены на пол, даже легкая мебель типа стульев и журнального столика оказалась перевернутой. Преступник даже разбил кое-что из посуды и щедро рассыпал осколки по всему полу. В общем, постарался на славу.

– У Елизаветы были в тот вечер какие-нибудь посетители? – спросила я. – Понимаешь, я пока успела только пого-

ворить с ее матерью. На этот счет вряд ли она может сказать что-то определенное, потому что она пришла в квартиру дочери, когда ее уже не было в живых.

– Единственное, что мы нашли на кухне, так это нераспечатанную бутылку вина и два бокала. Скорее всего, хозяйка кого-то ждала в гости, поскольку приготовила все это, – объяснил Владимир.

– Да, похоже на то, – согласилась я с Кирьяновым. – А где лежала Елизавета, когда приехала полиция? Ее мать сказала, что нашла свою дочь лежащей на полу в луже крови. Так?

– Да, все верно. Она лежала на боку в гостиной. Крови действительно было много, потому что ее шандарахнули по виску тяжелым бюстом какого-то античного философа.

– Бюст, что же, находился на месте преступления? – спросила я.

– Да, лежал неподалеку от тела, – подтвердил Владимир.

– Интересно, почему же преступник не прихватил с собой орудие убийства? Хотя ведь он был тяжелым. Тащить его с собой – значит, наверняка привлечь внимание. Следов на бюсте, конечно, не нашлось?

– Конечно. Убийца ведь не дурак, все тщательно протер. И кстати, не только бюст.

– Слушай, Володь, – пришла мне в голову одна мысль, – а вы проверили санузел? Вдруг преступник и там побывал? Ведь ты говоришь, что было очень много крови. Значит, ее ему надо было смыть. Не мог же он выйти из квартиры с

кровавыми следами?

– Все, Тань, проверили, но в ванной комнате никаких следов крови, тем более кровавых потеков не обнаружилось. Нет, убийца оказался очень осторожным и бдительным, – сказал Кирьянов.

– Тогда это никак не вяжется с версией об убийстве в состоянии аффекта по причине ревности, – заметила я. – Или же убийца специально замел все следы, спутал все карты, чтобы сбить с толку следствие. Сам же говоришь, в состоянии аффекта совершил непоправимое. А потом, когда отпустило и он осознал, что натворил, то быстро и хладнокровно уничтожил все следы. Володь, а что сказала мать убитой по поводу наличия или отсутствия драгоценностей и денег? Ведь насколько я могла понять из первоначальной беседы с ней, ее дочь далеко не бедствовала. Скончавшийся пять лет назад супруг Елизаветы Городенчиковой обеспечил ее на много лет. Определенно в квартире были ценные вещи. Если они остались на своих местах, то можно предположить, что преступник инсценировал ограбление, я имею в виду беспорядок в гостиной. А что сказала сама Алевтина Григорьевна?

– Да ничего она толком не сказала. Сначала просто была в шоке, пришлось ее отпаивать валерьянкой.

– Я думаю, любая мать будет в шоке, если увидит своего ребенка бездыханным и лежащим в луже крови, – заметила я.

– Да понятно, что все это так. Но толком от нее в тот вечер,

а практически в ночь, добиться ничего было нельзя. Вроде бы осталось все на своих местах. Так, по крайней мере, сказала Городенчикова.

– Ладно, я спрошу ее еще раз и попрошу внимательно посмотреть, – сказала я. – Значит, ты говоришь, что явных улик нет, как нет и какой-нибудь зацепки. Я думаю, что многое может прояснить разговор с близкой подругой убитой, некоей Екатериной Расторгуевой, Катенькой, как ее называла Алевтина Григорьевна. Вполне вероятно, что ей известен круг общения Елизаветы. Возможно, что она и в курсе личной жизни Елизаветы.

– Возможно, но не обязательно. Не всегда подруг привлекают к обсуждению интимных вопросов. Соперничество, сама понимаешь, – вполне резонно заметил Кирьянов.

– Да, вполне с тобой согласна, – сказала я. – Однако один поклонник убитой мне уже известен. Со слов матери Елизаветы – это юрист компании «Российская недвижимость» Валентин Ласточкин. Но сдаётся мне, что их, поклонников то есть, могло быть и больше.

– Как много ты уже нарыла, – удивился Кирьянов.

– Стараюсь, – скромно ответила я. – Да, Володь, сделай мне, пожалуйста, распечатки звонков с телефона Елизаветы. Ведь ее сотовый у вас, так?

– У нас, конечно. Сейчас, подожди, – попросил он. – Сейчас все сделаем.

Кирьянов вышел из кабинета. А я стала продумывать

план предстоящего расследования. Сначала необходимо будет осмотреть квартиру Елизаветы Городенчиковой, тем более что я уже договорилась с Алевтиной Григорьевной. Затем... Впрочем, дальше будет видно. Зачем загадывать так далеко вперед, ведь всегда могут открыться какие-то непредвиденные обстоятельства, которые способны поломать уже выстроенную схему. В это время вернулся Владимир.

– Вот, держи, – Кирьянов положил на стол передо мной лист-распечатку.

– Спасибо, Володя, – поблагодарила я его.

– Не за что. И – удачи тебе.

– Спасибо.

Я распрощалась с Кирьяновым и вышла из отделения.

К дому, где жила Елизавета Городенчикова, мы с Алевтиной Григорьевной подошли почти одновременно. Это был элитный дом улучшенной планировки, с консьержкой. На лифте мы поднялись на седьмой этаж. Алевтина Григорьевна открыла входную дверь и пригласила меня:

– Проходите, пожалуйста.

Я вошла в просторный холл. Центральное место в нем занимали два кресла, а между ними – журнальный столик. Около одной из стен стоял комод с красивой вазой, а рядом расположился шкаф-купе с витражным фасадом. На светлом паркете лежал оригинальный небольшой ковер с леопардовым принтом. Городенчикова между тем прошла в гостиную. Я последовала за ней. Большая гостиная была разделена на

несколько зон. Обеденный стол с четырьмя стульями стоял перед огромным, во всю стену, шкафом. Его многочисленные полки занимали посуда и коллекция фарфоровых статуэток. Остальные полки были закрыты. Похоже на то, что Городенчикова уже навела здесь относительный порядок, во всяком случае, вся мебель и другие предметы интерьера находились на своих местах. В самом углу комнаты стоял белый рояль.

– Ваша дочь была пианисткой? – спросила я Городенчикову.

– Да, Лизочка с отличием окончила Центральную детскую музыкальную школу, а потом поступила на факультет Всемирной культуры Педагогического университета. И тоже окончила его с красным дипломом, – тихим голосом сказала Городенчикова. – А вот здесь она лежала, когда ее... когда я вошла, а она... – женщина не договорила и отвернулась к окну.

Я помолчала, давая ей время прийти в себя.

– Нет, я не понимаю: за что? За что убили мою девочку, мою Лизочку?! – почти выкрикнула Городенчикова. – Она была такая молодая, такая красивая! А ей пробили голову! Кто мог сотворить такое?!

– Алевтина Григорьевна, вы сказали мне, что ничего из ценных вещей не пропало, – я стала направлять беседу в нужное мне русло, пока у Городенчиковой не разыгралась истерика, – пожалуйста, посмотрите внимательно все еще

раз.

Городенчикова послушно отправилась в следующую комнату, которая, по-видимому, служила спальней. Я тем временем стала осматривать остальную часть гостиной, которая состояла из широкого углового дивана, маленького овальной формы столика из черного дерева и стоящего рядом с ним кресла. Ничего такого, что бы привлекло мое внимание, я не обнаружила.

– Татьяна Александровна, я проверила сейф, – сказала вновь появившаяся в гостиной Городенчикова, – все ювелирные украшения и деньги на месте.

– Хорошо, разрешите, я осмотрю спальню, – сказала я.

– Да, конечно, проходите, пожалуйста.

Спальня Елизаветы была гораздо меньше гостиной. Или она казалась меньше, потому что почти всю комнату занимала огромная кровать поистине королевских размеров. Она была покрыта роскошным шелковым покрывалом с кистями. На тумбочке, примыкающей к кровати, стояли флаконы с духами и косметическими средствами. На стене рядом с кроватью висел портрет молодой симпатичной женщины в золоченой раме.

– Это моя доченька, – пояснила Городенчикова, заметив, что я смотрю на портрет. – А здесь они вдвоем с Катенькой Расторгуевой, я вам о ней уже рассказывала, это подруга Лизочки еще с детского сада, – Городенчикова взяла с тумбочки фотографию в деревянной рамке и подала ее мне. Фото-

граф запечатлел двух женщин на фоне моста через Волгу.

– Скажите, Алевтина Григорьевна, ваша дочь не держала свои украшения где-то еще помимо сейфа? – спросила я.

– Нет, не держала. А зачем? – недоуменно спросила она.

– Ну, я так полагаю, что, возможно, менее ценное, что-то типа бижутерии, Елизавета Максимовна не считала нужным прятать в сейф, а оставляла на виду, – пояснила я.

– Лизочка никогда не носила бижутерию, все только по-настоящему ценное, – с апломбом заявила Городенчикова.

Стало быть, здесь вряд ли имело место быть ограбление. В противном случае грабитель добился бы того, чтобы Елизавета назвала ему код сейфа. И сейчас сейф был бы пустым.

В углу спальни стоял компьютерный стол. Я подошла к нему и подумала, что неплохо было бы ознакомиться с компьютерными файлами. Мало ли какие сведения могли бы всплыть. Кроме того, надо еще посмотреть записную книжку Елизаветы или ее ежедневник. Записи в них тоже могут пролить свет. Скорее всего, все это находится в ящике компьютерного стола.

– Скажите, Алевтина Григорьевна, Елизавета Максимовна была вашим единственным ребенком? – спросила я.

– Лизочка была моей единственной дочерью. Но у меня есть еще и сын, – ответила Городенчикова.

«Странно она как-то изъясняется, – подумала я. – Ведь если имеется еще и сын, то дочь никак нельзя назвать единственным ребенком. А кстати, надо порасспрашивать ее о

сыне. Вдруг потянется какая-нибудь ниточка».

– Алевтина Григорьевна, расскажите мне о вашем сыне. Сколько ему лет, чем он занимается, – попросила я.

– А зачем вам это? – вдруг спросила Городенчикова и с подозрением посмотрела на меня.

– Как зачем? – удивилась я. – Ведь я провожу расследование, поэтому для меня важен любой нюанс. Например, какие взаимоотношения были у ваших детей.

– Очень хорошие, – отрезала Городенчикова, – они были очень дружны. Костик сейчас просто места себе не находит, так он убит горем.

– Он работает, учится? – я и не думала отступить от своего намерения выведать у нее сведения относительно брата Елизаветы.

– Он бизнесмен, – снова предельно лаконично ответила Городенчикова и замолчала.

Ладно, не хочешь говорить – не надо. Я все равно найду способ узнать все, что мне необходимо. Но в данный момент я решила больше не педалировать эту тему.

– Алевтина Григорьевна, вы не возражаете, если я еще какое-то время побуду здесь? – спросила я. – Мне нужно будет познакомиться с документами в компьютере.

– О, конечно, конечно! – воскликнула она. – Делайте то, что считаете нужным. К сожалению, ничем не смогу вам помочь, я совершенно не разбираюсь в современной технике.

Теперь, когда я перестала задавать вопросы о сыне, она

вновь стала любезной.

– Давайте сделаем так, – предложила я, – когда я все здесь закончу, я отвезу вам ключи от квартиры домой. Ваш адрес у меня есть. Договорились?

– Да, да, пожалуйста, – согласилась она.

Городенчикова ушла, а я осталась в квартире Елизаветы. Сначала я включила компьютер и стала ждать, когда он загрузится. Чтобы не терять время даром, я начала проверять ящики стола. Ничего сколько-нибудь значимого я в них не нашла. Правда, в одном из ящичков лежала записная книжка в коричневом кожаном переплете. Я стала листать ее страницы. На каждой из них были записаны номера телефонов, а против них, увы, всего лишь инициалы их обладателей. Разобраться в этой шифровке без помощи хотя бы той же Алевтины Григорьевны вряд ли было бы возможно. Однако весьма сомнительно, что она была в курсе всех знакомых своей дочери. К тому же их было так много, что только один их обзвон мог занять неопределенно долгое время. Ладно, телефонами я займусь позже. Что еще? Я обратила внимание на модную кожаную сумку, которая лежала на комод. Я взяла ее и, подойдя к кровати, вытряхнула ее содержимое на покрывало. В сумке лежала фирменная косметичка от «Мери Кэй», кожаное портмоне, диоровские солнцезащитные очки в футляре, складной зонтик, тоже, разумеется, брендовый, еще какие-то мелочи. Я сложила все обратно и отнесла сумку на место.

Компьютер между тем загрузился, и я стала открывать файлы на рабочем столе. Тоже ничего интересного. Какие-то кулинарные рецепты, затем подборка тем о тенденциях моды в этом сезоне, еще какие-то мелочи, не заслуживающие внимания. Хорошо бы проверить ее переписку, но без знания пароля это невозможно. И все-таки я решила попробовать, а вдруг получится? Я включила Интернет, подождала загрузку, потом щелкнула на значке, обозначающем «почту», и – о, чудо! – почти сразу же открылось соответствующее окно и началась загрузка писем. Надо же, на мое счастье, Елизавета запрограммировала пароль по умолчанию, наверное, чтобы каждый раз не вводить его заново. Ну-ка, посмотрим, что тут пишут Городенчиковой. Я просмотрела входящие письма, отбрасывая рекламу и прочий спам. Одно письмо привлекло мое внимание: «Лизочек, дорогая! 06.09. примчусь к тебе на крыльях любви! Жди в 18.00».

06.09... Так это же сегодня! Интересно, кто же это? Мужчина? Очередной поклонник? Но неужели он не знает, что Елизаветы уже нет в живых? А может быть, это женщина? Как бы то ни было, а придется остаться в квартире, чтобы встретить гостя или гостью. А пока есть время, надо пойти перекусить. Я закрыла входную дверь и спустилась вниз.

Проходя мимо консьержки, я подумала, что надо спросить ее, дежурила ли она в тот день, когда была убита Елизавета. Я вернулась назад и, подойдя к столу, за которым сидела пожилая женщина и разгадывала сканворд, сказала:

– Здравствуйте, меня зовут Татьяна, я веду расследование по делу об убийстве Елизаветы Максимовны Городенчиковой.

Консьержка тяжело вздохнула и отложила сканворд в сторону:

– Горе-то какое, такая молодая была.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Ольга Петровна, – сказала женщина.

– Ольга Петровна, вы случайно не дежурили в тот день, когда это произошло? – спросила я.

Ольга Петровна снова вздохнула:

– Дежурила. И надо же такому случиться! Меня уже и милиция допрашивала, а что я могла сказать?

– Вы давно здесь работаете? – спросила я. – Я имею в виду, вы знали Елизавету Максимовну Городенчикову?

– Конечно, знала. А работаю я здесь уже три года. За это время успела изучить всех жильцов.

– Не припомните, Ольга Петровна, во сколько часов Елизавета Максимовна пришла домой в тот день?

– Сейчас скажу. Это было... Да, в десять часов вечера она возвратилась домой. Ну, или начало одиннадцатого. Я и милиции так сказала.

– Она прошла мимо вас и поднялась на лифте на свой этаж? – уточнила я.

– Она была не одна, – сказала консьержка.

– Вот как? А кто же с ней был?

– Мужчина. Она только кивнула мне, и они прошли к лифту, – ответила Ольга Петровна.

– Раньше вы этого мужчину здесь видели? – спросила я.

– Кажется, нет. Нет, не видела.

– Но вы запомнили его, когда он поднимался вместе с Елизаветой Максимовной?

– В общих чертах, пожалуй, да, запомнила, – сказала Ольга Петровна.

– Опишите тогда, как выглядел этот мужчина, – попросила я.

– Довольно плотного телосложения, но не толстый, рост у него выше среднего, его можно назвать высоким.

– А у этого спутника Елизаветы Максимовны были ли какие-нибудь особые приметы? Ну, может быть, он прихрамывал. Или у него на лице был шрам или еще что-то в этом роде?

– Я не очень хорошо разглядела его лицо, – призналась консьержка, – а шел он нормально, никакой хромоты я не заметила.

– Они о чем-то разговаривали, когда проходили мимо вас? – задала я следующий вопрос.

– Так, перебросились парой фраз. Я особенно не прислушивалась. Кажется, они обсуждали каких-то своих общих знакомых, я так поняла.

– Хорошо. Скажите, Ольга Петровна, а во сколько часов этот мужчина вышел из квартиры Елизаветы Максимовны? –

спросила я.

Она недоуменно посмотрела на меня:

– Так он и не выходил из ее квартиры, – сказала она.

– Вы уверены? – спросила я.

– Да. Во всяком случае, я его не видела.

– Простите, а вы никуда не отлучались?

Консьержка лишь на секунду замялась, но потом все-таки уверенно ответила:

– Нет, я все время была здесь.

– Хорошо, тогда скажите вот что: в течение того дня кто-то из посторонних входил в подъезд? – спросила я.

– Как будто бы нет. Точнее сказать, никто не проходил к лифту. Но вот женщина средних лет, немолодая уже, сказала, что перепутала подъезд, когда я ее спросила, к кому она направляется.

– И что же было дальше?

– А дальше она просто извинилась и вышла на улицу.

– Ладно, Ольга Петровна. Я вас попрошу позвонить мне, – я вынула из сумки свою визитку и положила ее на стол рядом со сканвордом, – если вы вспомните что-нибудь еще.

– Хорошо, я вам обязательно позвоню, если что-нибудь вспомню, – пообещала она.

– Да, кстати, а можно ли выбраться на улицу не через подъезд, а каким-нибудь другим путем? – спросила я.

– Вы хотите сказать, через пожарную лестницу? – в свою очередь спросила консьержка.

– Да, хотя бы таким путем.

– Да можно, почему бы и нет. Подняться на последний этаж, а там, если дверь на крышу открыта, то – пожалуйста, путь открыт. А с торца находится пожарная лестница. Только кому это надо?

Я ничего ей не ответила, а про себя подумала, что это надо тому, кто не захотел, чтобы его увидели выходящим из квартиры Елизаветы Городенчиковой, то есть убийце. Ведь маловероятно, что преступник стал бы оставаться в квартире с убитой до утра. Ну, это на тот случай, чтобы сменилась консьержка, которая видела, как он входил в дом. Но вряд ли преступник мог предусмотреть такой вариант. Возможно, что Ольга Петровна просто проглядела тот момент, когда убийца вышел из подъезда. Вполне возможно, что в этот момент она с увлечением занималась разгадыванием сканворда. Есть и другое объяснение: убийца просто-напросто поднялся на последний этаж, открыл дверь, ведущую на крышу, в том случае, если она была закрыта, спустился по пожарной лестнице и был таков. А что? Не думаю, что дверь закрывалась каким-то особенным способом, во всяком случае, подобрать ключ было не особенно сложным делом. В конце концов, можно было пустить в ход и обыкновенную отмычку. Я не стала проверять собственное умозаключение по поводу двери на крышу и пожарной лестницы. В данном случае это погоду не делало. Я почувствовала, что не на шутку проголодалась: голодный желудок давал о себе знать все более на-

стойчиво. Я вышла из подъезда и направилась к неподалеку расположенному кафе «Розовые джунгли».

Внутреннее убранство «Розовых джунглей» полностью соответствовало заявленному названию: на стенах в виде панно обосновались целые заросли лиан с прыгающими на них обезьянами, а также крадущимися леопардами и еще какими-то представителями тамошней фауны, названия которых мне были неизвестны. Лианы были наивно розового цвета, леопарды и обезьяны в плане окраса, правда, соответствовали действительности. Непонятно только было, чем художнику не понравился натуральный зеленый цвет тропической растительности? Возможно, это было сделано не случайно, а с целью привлечь как можно больше клиентов. Мне, однако, эта дизайнерская фишка особо оригинальной не показалась.

Я расположилась за столиком, который находился как раз напротив окна. Почти сразу же ко мне подошел официант и поинтересовался, что я буду заказывать. Я выбрала салат из огурцов и помидоров с укропом, уху из речной рыбы и кусок торта «Наполеон». В кафе было довольно уютно, тихо звучала медленная приятная музыка, словом, все располагало к спокойной трапезе. Однако когда я уже почти заканчивала свой обед, в кафе с шумом и хриплым смехом завалились четверо подростков. Они уселись за соседний со мной столик и стали громко спорить, что они будут заказывать: «Давай пивасика, нет, иди ты, водяру, давай водяру!» Наконец консенсус был достигнут, и, свистом подождав офици-

анта, парни заказали несколько бутылок пива. В ожидании они все так же бурно продолжали обсуждать тему несостоявшейся вечеринки у какого-то тролля. Почти рядом с ними за соседним столиком сидела молодая мамочка с мальчиком лет четырех. Ребенок сначала вполне спокойно спрашивал у мамы, зачем дядя-художник покрасил травку и листики в розовый цвет, ведь это неправильно, так не бывает, но под конец, оглушенный гиканьем развеселой компании, расплакался. «Криминальный квартет» не преминул обратить на него свое внимание.

– Гы! – корча зверские рожи, начал один из парней. – А чего мы плачем?

– У-тю-тю, – вторил ему другой, – утри свои слезки! Тише, Ванечка, не плачь. Я куплю тебе калач! Ути-пути!

И он сделал ему «козу». Малыш оглушительно заревел, а его юная мама вскочила с места и принялась поднимать на руки захлебывающегося от плача ребенка. Ее пестрый рюкзачок свалился на пол, с ножки мальчика упал ботиночек. Я не выдержала и обратилась к распоясавшейся шпане:

– Прекратите сейчас же! Что вы довели ребенка до истерики? Вы не у себя, и здесь вам не притон!

Своей тирадой я, естественно, перевела «стрелки» на себя.

– Витек, ты поглянь, какая крутая! – сказал один из компании. – Замечание тут еще делает! Ты чё, училка, что ль?

– А чё? – отозвался Витек. – Телка ничё себе так!

Он встал со стула и направился ко мне.

– Я Витек, – противным голосом прошепелявил он, – а тебя как зовут?

Он протянул мне свою руку, которую я резко притянула к себе и одновременно нанесла удар в пах коленом.

– Вот сука! – заорал Витек и, скорчившись от боли, согнулся пополам.

– наших бьют! – засуетились его дружки и подскочили ко мне.

Мамочка с ребенком, воспользовавшись тем, что я отвлекла от нее внимание разнузданных подростков, спешно ретировалась из кафе.

– Тоже хотите получить «подарочек»? – насмешливо спросила я. – Я не жадная, угощу от души. Короче, так: сию минуту выметайтесь отсюда. А то сделаю с вами то же самое, что и с ним, – с угрозой в голосе произнесла я.

Кажется, до них дошло. Во всяком случае, они, хрипя и выкрикивая матерные проклятия в мой адрес, убрались из «Розовых джунглей». А я для себя решила, что впредь буду обходить это заведение стороной. Надо же, даже охранника не соизволили завести, чтобы следить за порядком.

Ну а теперь пора возвращаться в квартиру Елизаветы Городенчиковой. Правда, времени до шести часов еще было достаточно. Но я решила, что лучше быть на месте с запасом, чем опоздать и потом кусать локти, проворонив визитера, мчащегося на «крыльях любви». И хотя я скептически

относилась к версии о том, что написавший Елизавете электронное письмо и есть тот самый убийца, которого разыскивают и полиция, и я, частный детектив, но... чем черт не шутит? С другой стороны, как-то странно, что этот отправитель письма еще не знает о том, что Елизавета Городенчикова убита. Письмо его датировано сегодняшним числом. Значит, он или нездешний, то есть откуда-то он едет в Тарасов на встречу с Елизаветой, или же... тут моя мысль остановилась и, не успев оформиться, сразу же исчезла. Однако в любом случае нелишним будет узнать, какая существует связь между Елизаветой и тем, кто так торопится на встречу с ней. Даже если он просто очередной поклонник Городенчиковой, то не исключено, что беседа с ним может быть полезна в информативном плане. Никогда ведь не знаешь, где тебя ожидают нужные сведения.

Я вошла в подъезд и прошла мимо Ольги Петровны совершенно незамеченной. Правда, она в это время оживленно разговаривала с двумя женщинами, стоявшими перед ее столом, и меня она не видела. Но ведь такая ситуация могла возникнуть и в день убийства Елизаветы. Даже если Ольга Петровна и говорит правду, что она никуда не отлучалась со своего поста.

Я открыла входную дверь квартиры Городенчиковой и прошла в спальню. Там я вынула из одного из ящиков стола альбом с фотографиями, который я заприметила, когда осматривала спальню первый раз. Я перешла в гостиную и

начала внимательно переворачивать страницы альбома. Я решила, что в альбоме может быть фотография того мужчины, с кем Елизавета в роковой для себя вечер вернулась домой. Поэтому я сосредоточила свое внимание на представительных мужчинах роста выше среднего. Я рассуждала так: Елизавета – дама рафинированная, привыкшая к роскоши и принадлежавшая к вполне определенному кругу. Она по определению не могла знаться с кем попало и уж тем более – привести к себе домой. Поэтому фотография спутника Елизаветы Городенчиковой наверняка есть в фотоальбоме. Сейчас посмотрю все до конца, а потом покажу альбом Ольге Петровне: вдруг она опознает мужчину? Я просмотрела альбом почти до конца, и в это время раздался звонок в дверь. Причем звонивший, то ли из хулиганских побуждений, то ли еще по какой-то причине, звонил минут пять, не меньше. Я тихо подошла к самой двери и стала ждать. Вот наконец звонок отпустили. И спустя буквально несколько секунд я услышала, как в замке кто-то стал ковыряться. Я отошла в глубь холла, и вовремя: дверь тихонько приоткрылась, и в проеме показался щуплый паренек в линялых джинсах и серой ветровке. Вот так явление Христа народу! Этот-то откуда тут взялся? И дверь он открыл не ключами, а отмычкой. Парень меня не видел, поэтому он аккуратно, бесшумно притворил за собой дверь и направился в гостиную.

– А ну, стой! – гаркнула я ему в ухо.

Он на мгновение застыл, но потом вдруг как ни в чем не

бывало сказал:

– А я к Елизавете Максимовне! Она дома?

Тут уже я пришла в замешательство. Парень сразу же воспользовался моей заминкой и, рванув на себя входную дверь, пулей выскочил в тамбур. Я бросилась за ним. Сначала я подумала, что парень побежит вниз, и даже пробежала половину лестничного пролета, но тут же, услышав шум шагов этажом выше, сообразила, что он рвется на крышу.

– Стой! Кому говорю! – заорала я и, перепрыгивая через ступеньку, помчалась за беглецом. Нагнала я его, когда парень уже выходил на крышу. Дверь, которая вела наверх, была уже предусмотрительно открыта. Тоже, надо полагать, не родным ключом. Когда я выбралась на крышу, парень был уже на полпути к пожарной лестнице. Недолго думая, я подобрала лежавший на крыше кусок кирпича и швырнула его в беглеца. Парень тут же упал и схватился за лодыжку.

– Ой, ой, – заныл он, – ты мне ногу сломала!

– А нечего по крышам шастать, – назидательно сказала я, подбегая к нему. – Скажи спасибо, что я целилась в лодыжку, заживет. А за ограбление квартиры знаешь, какой срок светит? Давай, говори, где взял ключи от квартиры. Где деньги лежат, – не удержалась я от избитой фразы.

Парень молчал, только исподлобья смотрел на меня и поглаживал больную лодыжку.

– Так долго я буду ждать?! – я повысила голос.

В самом деле, скоро уже должен прийти неизвестный мне

поклонник Елизаветы, который назначил ей свидание ровно в 18.00, а я тут на крыше валандаюсь с мелким воришкой. А может быть, не такой уж он и мелкий?

– Так ты будешь говорить или нет? Молчишь? Ладно, ты сам попросился. Сейчас я позвоню в отделение, там ты все расскажешь как миленький. Кто тебя послал, вообще, кто за тобой стоит? Ты знаешь, что хозяйку квартиры, в которую ты так неосторожно влез, позавчера убили?

Парень испуганно посмотрел на меня.

– Чё, правда, что ль? – спросил он.

Я демонстративно промолчала и полезла в карман брюк за телефоном.

– Эй, не надо никуда звонить, я все расскажу, – парень, кажется, наконец-то понял, что я не шучу и что молчать – себе дороже.

– Так говори уже! – сказала я и вынула руку из кармана.

– Я, это, я не знал, что ее убили. Я просто так полез. Как всегда... сначала звоню долго, если никто не открывает, значит, дома никого нет, тогда я иду и... Ну, здесь же не бедные живут. – Тут он замолчал.

– И давно ты этим промышляешь? – спросила я.

– Не, совсем недавно. Начал недавно. Это – третий раз, – признался парень.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я.

– Андрей Колобов, – нехотя сказал он.

– Ты учишься? Работаешь? – я продолжала задавать во-

просы.

– Учусь, – снова односложно ответил он.

– Где? Да отвечай ты наконец по-нормальному! – Парень уже начал выводить меня из себя. – Что из тебя приходится все клещами вытягивать?

– В школе я учусь, – еле слышно сказал парень и опустил голову, – в выпускном классе.

Значит, он действительно начинающий домушник. Я посмотрела на него внимательно. Нет, к убийству Елизаветы Городенчиковой он не имеет никакого отношения. Знать он ее не знал, и никто за ним не стоит, это ясно. Он сам по себе.

– Ладно, иди на все четыре стороны, – сказала я ему. – Только давай завязывай с этим делом. Ведь загремишь под фанфары как миленький. Вставай, чего расселся.

– Ты... Вы меня отпускаете? – спросил он, видимо, не веря своим ушам.

– А что еще прикажешь с тобой делать? Усыновить, что ли?

– А как же я пойду? Ведь нога... – снова заныл он.

Я даже не сразу сообразила, что ответить. Вот молодежь пошла! Отпускаю вора, застигнутого на месте преступления, а он еще и недоволен!

– Так мне что теперь, лимузин для тебя на крышу доставить?

Парень поднялся и, захромав, пошел обратно. А я возвратилась в квартиру Елизаветы Городенчиковой. И вовре-

мя. Не успела я снова приступить к просмотру фотоальбома, прерванного вторжением воришки, как раздался звонок в дверь. Однако на этот раз в дверь позвонили по-человечески, то есть раздались два не очень длинных сигнала. Я быстро подошла к двери и открыла ее. Передо мной стоял высокий и худой как щепка мужчина лет тридцати пяти на вид. Одет он был в дорогой костюм и ботинки. Приветливая улыбка на его вытянутом лице сменилась недоуменным выражением.

– А вы кто? – спросил он. – Вы подруга Лизочки, то есть, я хотел сказать, Лизы?

– Я частный детектив Татьяна Иванова, – представилась я. – А вы, наверное, тот самый, который летит на «крыльях любви»?

– А откуда вы... А почему... зачем здесь частный детектив? Что вообще происходит? Я ничего не понимаю!

– Давайте пройдем в гостиную, – предложила я ему, – и я вам все объясню.

Собственно, мне уже сразу стало ясно, что он не имеет никакого отношения к убийству Елизаветы Городенчиковой.

– Я вам уже назвала свое имя, а как зовут вас и кем вы приходитесь Елизавете Максимовне? – спросила я мужчину, когда мы прошли в гостиную и расположились в креслах.

– Я – Олег Ярославович Мартыненко, владею ресторанным бизнесом, – представился он.

– Здесь, в Тарасове? – уточнила я.

– Нет, я приехал из Пензы.

Значит, первоначальная моя догадка о том, что отправитель электронного письма – не местный, оказалась верной.

– Вообще-то, в Пензе я живу сравнительно недавно, а родился я в Тарасове, здесь же и окончил среднюю школу. А Лиза – моя бывшая одноклассница. В предпоследнем классе у нас с ней началась любовь, – он улыбнулся, – но потом как-то не сложилось ничего серьезного. Она вышла замуж, я женился, поэтому и оказался в Пензе. А сейчас решил продать там свой ресторан и переехать в Тарасов. А что случилось-то? – снова встревоженно спросил он.

– Дело в том, Олег Ярославович, что Елизавету Максимовну позавчера убили, – сказала я.

– Уби... Убили?! Да что вы такое говорите? Кто? Почему? – Мартыненко вскочил с кресла.

Вопрос, конечно, интересный, я и сама хотела бы знать, кто и почему. Ясно только одно: Мартыненко действительно узнал о смерти своей бывшей одноклассницы только сейчас, от меня.

Мужчина вдруг схватился за желудок, и его лицо искривила гримаса боли. Он тут же полез в карман пиджака и вытащил оттуда блистер с «гасталом». Выщелкнув таблетку из блистера, он положил ее в рот.

– Извините, изжога скрутила, – сказал он немного погодя. – У меня ведь язва желудка, обостряется на фоне стресса.

– Понимаю. Как же вы так? Ресторанный бизнес, а сами,

наверное, на строгой диете?

– Да, вот представьте себе: других кормлю, а сам практически живу на манной каше. Ну, на всяких там паровых котлетках. С детства слабый желудок был... Уф, все еще никак не приду в себя. Не могу поверить, что Лизы больше нет.

Он покачал головой.

– Скажите, Олег Ярославович, как давно вы общались с Елизаветой Максимовной в последний раз? – спросила я. – Я имею в виду, не по электронной переписке, – пояснила я свою мысль.

– Я вас понял, – сказал ресторатор, – сейчас, вспомню. Простите, а как... как была убита Лиза? – вдруг спросил Мартыненко.

– Ее ударили в висок, – кратко ответила я, не вдаваясь в подробности.

– Вы сказали, что это произошло позавчера? – спросил он.

– Да, именно так. Примерно около одиннадцати часов вечера.

– Но ведь... Я же звонил ей как раз в это время, о котором вы говорите! – воскликнул он.

– Это точно? – усомнилась я.

– Точнее быть не может! Правда, Лиза сказала, что долго говорить она не может, потому что какие-то там важные дела ей нужно было завершить. Ну, тогда я быстро свернул разговор и решил сообщить по электронке, что приеду в Тарасов.

– Скажите, Олег Ярославович, а в каком состоянии была

Елизавета Максимовна во время телефонного разговора? – спросила я.

Он недоуменно посмотрел на меня.

– Я имею в виду, была ли она подавлена, расстроена или, наоборот, выглядела радостной, веселой? – уточнила я.

– Ах, вот вы о чем. Да, пожалуй, можно сказать, что Лиза была возбуждена, но с радостным состоянием это не было связано, на мой взгляд. Она что-то там начала говорить по поводу своего переменчивого настроения, но потом, как я уже сказал, быстро свернула наш разговор.

– У меня к вам будет еще один вопрос. Может быть, Елизавета Максимовна сказала или намекнула, с кем в данный момент она находится, кто рядом с ней? Ну, с кем она завершает свои важные дела?

– Я вас понял. Но, к сожалению, ничего определенного Лиза тогда мне не сказала. Из нашего с ней короткого телефонного разговора нельзя было понять, одна она или с кем-то. Хотя... Постойте-ка, ведь Лиза упомянула о каком-то докторе.

– А что именно она сказала вам по этому поводу? – уцепилась я за призрачную ниточку.

– Да, собственно, ничего определенного.

Мартыненко пожал плечами.

– Вспомните, пожалуйста, Олег Ярославович, – попросила я, – это очень важно для расследования. Может быть, Елизавета Максимовна говорила о своем нездоровье, то есть о

проблемах со своим здоровьем? Или, возможно, она назвала профиль специалиста? Например, невролог, ортопед или еще кто-нибудь?

– Мм... Вроде бы Лиза упомянула невролога. Или психолога? Вы знаете, я никогда не запоминал названия всех этих специальностей. Помню только, как называется мой специалист – гастроэнтеролог. Как говорится, у кого что болит, тот о том и говорит, – он невесело усмехнулся.

– А что, у Елизаветы Максимовны раньше были проблемы с... нервами? – осторожно спросила я.

– Вроде бы были, но я не совсем уверен.

– Я вас поняла, Олег Ярославович, – сказала я.

– Тогда я пойду? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Да, конечно. Всего вам доброго.

– До свидания.

Он ушел, а я тоже стала собираться на выход. Мне ведь надо было еще отвезти ключ Алевтине Григорьевне. Я вдруг вспомнила, что оставила включенным компьютер Елизаветы. Я вернулась в спальню и подошла к компьютерному столу. Мне тут же пришла в голову идея посмотреть информацию на психотерапевта Георгия Листопадова. Не знаю, почему меня посетила эта мысль. Наверное, здесь имел место ассоциативный ряд: невролог – психолог – психоаналитик. И конечно же, незабываемый бесплатный «тренинг», на который затащила меня Ленка-француженка и который проходил под патронажем Георгия Листопадова. Я набрала в по-

исковике исходные данные персоны. Почти тут же обозначились сайты. Я открыла один из них. Так. Листопадов Георгий Александрович, сорок семь лет, психиатр, психотерапевт, нарколог, гипнолог, кандидат медицинских наук... место работы – Вторая клиническая больница, частная клиника «Авиценна», лечебно-консультативный центр. Тут же прилагалась фотография Листопадова. Правда, волосы у Георгия Александровича на фото были все же покороче, чем на тренинге. Мне он очень здесь напомнил Николая Васильевича Гоголя: крупный нос, выразительные глаза и волосы на прямой пробор, закрывающие уши. Ладно, пора собираться и уходить. Я выключила компьютер и вышла в гостиную. В глаза мне бросился раскрытый альбом, который я так и не досмотрела до конца. Захвачу-ка я его с собой, возможно, он мне еще пригодится. Кстати, можно будет прямо сейчас показать его Ольге Петровне: вдруг она опознает того мужчину, с которым Елизавета пришла домой.

Я вышла в холл и открыла сумку, чтобы положить туда фотоальбом. Но тут он выскользнул у меня из рук и упал. Я нагнулась, чтобы поднять его, коснулась пола, и в этот момент моя рука нащупала что-то круглое. Сначала я приняла это «что-то» за упавшую монету. Однако захватив с пола сначала альбом, а затем и сам круглый предмет, я обнаружила, что держу в руках пуговицу. Я рассмотрела ее: пуговица была обычная, цвета топленого молока. Наверное, поэтому на ней так явственно выделялись маленькие красные пят-

нышки. Несомненно, это была кровь! Только вот чья? И еще я заметила на пуговице совсем крохотный остаток светлой ткани. Вывод напрашивался сам собой: пуговицу оторвали во время борьбы кого-то с кем-то. И она отлетела в сторону. А может быть, это произошло как раз тогда, когда преступник разбил голову Елизавете? Нет, ведь смертельный удар был нанесен женщине в гостиную, а пуговица нашлась в холле. Как-то не вяжется одно с другим. Ладно, возьму ее с собой и покажу Алевтине Григорьевне. Возможно, ей известно, кому эта пуговица может принадлежать. Я положила пуговицу в сумку, закрыла дверь и спустилась вниз. Теперь осталось показать фотографии в альбоме консьержке, и можно будет ехать к Алевтине Григорьевне.

Но Ольга Петровна, хотя и была на своем рабочем месте, уделить мне время не смогла: вместе с представителем от правления жилищно-строительного кооператива она составляла график очередного дежурства. Ладно, подойду к ней в другой раз. Теперь поеду к Алевтине Григорьевне. Я вышла из подъезда, села в свою «девятку», сверилась с адресом, который мне дала Городенчикова, и поехала.

Алевтина Григорьевна проживала в доме сталинской постройки на улице Парижской Коммуны. Я набрала на домофоне номер квартиры, но мне никто не ответил. Я в раздумье постояла еще несколько минут и только начала набирать номер квартиры Городенчиковой еще раз, как дверь подъезда открылась и во двор вышла женщина пенсионного возраста

с мусорным ведром в правой руке.

– А вы к кому? – спросила она меня и окинула подозрительным взглядом.

– Я к Городенчиковой Алевтине Григорьевне, – ответила я, – но почему-то никто не открывает. Вы не знаете, что случилось?

– А-а, – протянула женщина, – к Алевтине, значит. Да... несчастье у нее. Горе, можно сказать. Вот что. Подождите меня, я сейчас мусор выброшу.

Она отправилась в глубь двора, туда, где виднелись крышки мусорных баков. Через минуту она вернулась.

– Пойдемте, сядем, здесь скамейка есть, – и она показала рукой на лавочку, стоявшую у подъезда.

– Наконец-то добилась, чтобы поставили нормальную лавочку, – сказала она, когда мы сели. – А то стояла какая-то развалюха: два столбика и шатающаяся досочка. А эту досочку то и дело убирала жиличка с первого этажа. Ей, видишь ли, не нравилось, что по вечерам тут как раз под ее окнами собиралась молодежь и шумела. Можно подумать, что молодые должны чинно сидеть и молчать, – она хмыкнула.

– А вы будете соседкой Алевтины Григорьевны? – спросила я, переводя разговор на личность Городенчиковой.

А то женщина, похоже, собралась рассказывать мне типичные дворовые дразги.

– Да, – ответила женщина, – в соседях мы с ней уже без малого полвека.

– Так долго?

– Да, – подтвердила она, – все на моей памяти: и как Аля жила сначала с отцом и матерью, потом замуж вышла первый раз, родила мертвого ребенка, разошлась с мужем, второй раз вышла, родила Лизочку, потом Костю. Ну, а там пошли похороны. Сначала отец скончался от рака, потом мать после инсульта недолго прожила. Мужа Аля похоронила, вот уж никто не ожидал, что он так скоро покинет этот свет. Всего пятьдесят лет было мужику. Инфаркт! Хотя, наверное, этого стоило ожидать.

– Почему? – спросила я, хотя меня, конечно, совсем не интересовала история болезни отца Елизаветы.

– Так все от переедания! От чего же еще! Вы бы видели, какие пироги, торты и плюшки пекла Аля чуть ли не каждый день. Да и в остальном они питались так, как мы с мужем кушаем только по праздникам. Обед обязательно состоит у нее из трех блюд, как положено: салат, закуски, горячее, второе с гарниром, ну и десерт. Муж у Алевтины в этом смысле требовательный был. Не сядет за стол, если он не будет сервирован по всем правилам: скатерть, салфетки, да не какие-нибудь полихлорвиниловые, а настоящие, льняные. Обязательно, чтобы на столе был салат. Причем он мог к нему и не притронуться, но салатница должна была быть непременно. Ну, и конечно, всякие там куриные окорочка, закуски, еще бог знает что. Но по правде сказать, Алевтина кулинарка отменная: готовит все очень вкусно.

– Да, правильное питание для здоровья имеет очень большое значение, – заметила я, думая, как бы мне увести соседку Городенчиковой от воспоминаний о ее муже.

– Ну вот, а еще у Максима работа была очень нервная, – продолжала женщина.

– А где он работал? – спросила я.

– В последнее время предпринимателем на оптовом рынке на Ленинградской улице. Знаете, где бывший завод?

Я кивнула.

– Он и продукты привозил, и сам за прилавком стоял. А дома, как говорила Аля, еще и подсчитывал допоздна. Понятное дело, что нервничал. Торговля – это такое дело, что... – она не договорила. – В общем, похоронили Максима и стали жить втроем: Аля, Лиза и Костя. Лиза окончила институт, Костя тоже после школы стал дальше учиться. Вот, казалось бы, жизнь наладилась. Но не тут-то было.

– А что же такое случилось? – спросила я.

– Да я же и говорю: горе у Алевтины большое – дочку убили на днях!

Соседка Алевтины Григорьевны, очевидно, решила, что я являюсь знакомой Городенчиковой, которая по какой-то причине еще не знает об убийстве Елизаветы. Я решила оставить ее в этом заблуждении. Ведь если я скажу, что я – частный детектив и расследую это преступление, то еще неизвестно, захочет ли она говорить со мной на эту тему.

– И то сказать, – продолжала женщина, – неправильно

Алевтина ее воспитывала. Слишком много воли давала. Елизавета красивая была, ухажеры так около нее и вились. Она, после того как уволилась с работы, только и делала, что из ресторанов под утро возвращалась. Воздыхателей своих меняла как носовые платки во время насморка. То с одним поживет, то с другим. Только никто из ее знакомых не предлагал замуж выйти. Сожительствовать – пожалуйста, а законный брак – извините. Одно время у нее и у Алевтины даже сдвиг на этой почве случился. Но наконец-то она вышла замуж, нашелся богатый мужчина, чего они и добивались. Правда, на десять лет старше Лизы и разведенный. Только недолго они прожили, всего несколько лет. Тот тоже, как и Максим, скончался от инфаркта. А теперь вот и Елизаветы нет. Эх! – она махнула рукой. – А уж Костя-то...

Да, вот это интересно. Я вспомнила слова Городенчиковой о том, что Лизочка – ее единственный ребенок. Так она сказала, когда пришла ко мне.

– Ведь как судьба-то распорядилась, – продолжала соседка Городенчиковой, – дочери нет в живых, да и сына, считай, что тоже нет: горький пьяница, одно слово. С работы, поди, уже выгнали. Кто же будет алкоголика держать?

Ничего себе поворот в сюжете! А как же слова Городенчиковой о том, что ее сын – бизнесмен?

– Константин все там же работает? – осторожно спросила я.

Пусть соседка думает, что я – не случайный человек и что

нахожусь в курсе событий, происходящих в этой семье.

– Да, в администрации нашего Волжского района, его еще Максим туда пристроил, – сказала женщина.

В это время из подъезда вышел пожилой мужчина.

– Клаша, ну ты куда же пропала? – недовольно спросил он, обращаясь к моей собеседнице. – Пошла мусор вынести и пропала с концами!

– Иду уже, иду, – отозвалась женщина и встала с лавочки.

Какая словоохотливая попалась женщина, наверное, дома не очень-то разговоришься, вон какой у нее муж-командир. Очень кстати соседка Городенчиковой вышла мусор выносить. Она вместе с мужчиной скрылась в подъезде, а я пошла к выходу, решив, что больше ждать Алевтину Григорьевну не имеет смысла. Кто знает, когда она вернется домой? Но в тот момент, когда я уже выходила на улицу, почти у самой двери столкнулась с Городенчиковой.

– Алевтина Григорьевна, я возвращаю вам ключи, как и обещала, – сказала я, протягивая ей их.

– Спасибо, Татьяна Александровна, – сказала она и тут же спросила: – А вы что-нибудь уже узнали?

– На данный момент – совсем немного, Алевтина Григорьевна, – призналась я. – Но я продолжаю поиски преступника.

– Вы, пожалуйста, сообщайте мне, что вам удалось сделать, – попросила она.

– Непременно, – пообещала я, – всего вам доброго. Да,

Алевтина Григорьевна, – спохватилась я, вспомнив про пуговицу, – скажите, вам знакома эта пуговица?

Я достала ее из сумки и подала Городенчиковой. Она повертела ее в руках и отрицательно покачала головой.

– Нет. А откуда она у вас?

– Эта пуговица нашлась в холле квартиры Елизаветы Максимовны, – объяснила я. – Значит, эта пуговица ей не принадлежала?

– Нет, конечно же, нет. Да у Лизочки и не могло быть такого, что вы! Лизочка носила только дизайнерские вещи. Соответственно и аксессуары были тоже под стать основной модели. А вы мне показываете ширпотреб! У Лизочки пуговицы были выполнены из перламутра, натуральной кожи, ну, если хотите, из полудрагоценных камней, но уж никак не из пластмассы.

– Ладно, еще раз до свидания, – сказала я, снова пряча пуговицу в сумку.

– До свидания, – ответила Городенчикова.

По дороге домой я решила заехать в супермаркет, чтобы запастись продуктами, а то кто его знает, когда теперь выдаться свободная минутка. В круглосуточном супермаркете «Фамильный» в это время было сравнительно мало покупателей. Я подумала, что вот сейчас я быстро куплю необходимые мне продукты. Но не тут-то было. Внезапно очередь застопорилась. Покупательница, которая уже оплатила покупки, снова вернулась к кассе.

– Девушка, почему вы мне пробили грушу «конференция»? Я же взяла китайскую грушу! Вот, смотрите сами! – женщина вынула из пакета фрукт и продемонстрировала его кассиру. – «Конференция» стоит гораздо дороже, чем китайская! Разницу, конечно же, кладете в свой карман! Бессовестные жулики!

– Они и со мной так поступали не раз, – сказала какая-то женщина позади меня, – безобразие!

К кассе между тем подошла элегантная дама, она стала оплачивать набор конфет. И снова разгорелся скандал. Сначала кассир долго искала нужную цену. Потом она стала выбивать чек. Увидев цену, дама чуть не подпрыгнула на месте. Она перегнулась и посмотрела на монитор:

– Так я и знала! Девушка, да разуйте вы глаза, в конце-то концов! Почему у вас на мониторе три позиции? Вы что, не видите, что у меня всего два пакета с конфетами?

Она потрясла ими перед носом кассира.

– Ну чего вы кипятитесь? – спокойно сказала кассир. – Сейчас я уберу одну лишнюю позицию, делов-то!

– Ничего себе! – продолжала возмущаться дама. – Как вы обращаетесь с покупателями!

Наконец конфликт был урегулирован, и дама отошла от кассы. Вскоре подошла моя очередь. Я оплатила покупки и отправилась домой.

Дома я первым делом расфасовала продукты по полкам холодильника. Потом стала думать, что бы такое пригото-

вить на ужин. После некоторых раздумий я решила, что стейк с овощами – это то, что надо. Я разморозила мясо в микроволновке и нарезала огурцы и помидоры. Поужинав, я приняла душ и отправилась спать. Укрывшись легким одеялом, я вдруг вспомнила, что еще ни разу за сегодняшний день не посоветовалась со своими гадальными «костями». Перед тем как взяться за очередное дело, я обычно так и поступаю: бросаю «кости» на предмет расследования. Но сегодня я почему-то упустила их из виду. Надо исправить эту оплошность. Как правило, предсказания «костей» еще никогда меня не подводили. Во всяком случае, я не помню, чтобы хотя бы однажды что-то не сбылось. Поэтому я встала с постели, отправилась в прихожую, где находилась моя сумка, и, вынув из нее черный замшевый мешочек, в котором лежали «кости», вернулась в спальню. Здесь я высыпала двенадцатигранники на туалетный столик, стоящий рядом с постелью. Потом, как всегда, сосредоточилась и мысленно задала вопрос. Подержав какое-то время «кости» в руке, я метнула их на столик. Выпала следующая комбинация, которая истолковывается как: «Вы понапрасну растрчиваете свои силы и время». Вот как? Впрочем, что-то подобное и можно было ожидать. Я так понимаю, что это была интерпретация сегодняшнего дня. Да, произошедшие события – визит бывшего одноклассника Елизаветы Олега Мартыненко и воришки Андрея Колобова – не назовешь плодотворными в плане подвижек в расследовании. Но я все равно не считаю, что зря

потратила время. Отрицательный результат – это тоже результат. И потом, еще ведь не вечер. То есть вечер, конечно, но только астрономический. На самом деле расследование только началось. И у меня нет причин сомневаться, что оно успешно завершится.

Глава 2

Утром я проснулась в восемь часов, и первой мыслью, которая меня посетила, была мысль о Константине Городенчикове, брате убитой Елизаветы и сыне Алевтины Григорьевны. Неспроста ведь Городенчикова солгала мне по поводу рода его занятий. Вряд ли бизнесмен, как она его мне представила, станет пить горькую. Не думаю, что соседка Клаша наговорила про него понапрасну. И если дело обстоит именно так, то не замешан ли Константин в убийстве своей сестры? Алконавтам ведь часто не хватает средств, чтобы добыть любимое зелье. Таким образом, на повестке дня стоит вопрос: мог ли в принципе Константин убить свою сестру? Ну, может быть, и не сам лично, а, скажем, при помощи третьего лица? Ведь финансы у Елизаветы были, и немалые, судя по элитной квартире, обстановке в ней и тому образу жизни, который она вела. Это, конечно, не значит, что Константин лично пришел, чтобы перехватить у сестрицы денег, а ему отказали, вот он с досады и шмякнул ее в висок. В общем, с этим вопросом надо разобраться. Необходимо выяснить хотя бы то, где Константин находился в то время, когда произошло убийство. Значит, решено. Сегодня первым делом я направляюсь в администрацию Волжского района, где, по словам соседки Алевтины Григорьевны, работает Константин Городенчиков.

Я отбросила в сторону одеяло и встала с постели. Потом подошла к окну и раздвинула шторы. Комнату тут же затопили потоки солнечного света. Видно, и сегодня погода будет жаркая и сухая. Я прошла в ванную комнату и встала под контрастный душ. Он хорошо меня взбодрил, а уж когда я еще и основательно растерлась жестким махровым полотенцем, то почувствовала и прилив энергии, и возросший аппетит. Что бы такое мне приготовить на завтрак? Учитывая то обстоятельство, что мне целый день придется трудиться не покладая рук, чтобы отыскать убийцу Елизаветы, утренний прием пищи должен быть калорийным. Поэтому приготовлю-ка я себе омлет. Я полезла в холодильник и достала пару яиц. Я уже было собралась разбить их в сотейник, но тут мне пришла идея получше. Я вспомнила, что вчера в «Фамильном» я наряду с остальными продуктами купила еще и упаковку замороженных блинчиков. Я так давно их не ела, а печь их самой... То совершенно некогда из-за расследований, а если свободное время и появляется, то мне элементарно лень с ними возиться. Я поставила блинчик в микроволновку, а пока он разогревался, быстро пожарила яичницу. Переложив готовый блинчик на тарелку, я сверху на него выложила глазунью, потом, подумав, добавила еще и кусок ветчины. Но завтрак я решила начать с салата. К традиционным помидорам и огурцам я добавила несколько ломтиков консервированного тунца, потом нарезала репчатый лук и заправила салат растительным маслом, соевым соусом и со-

ком лимона. Получилось очень вкусно. И вот сегодня – вчера у меня не получилось – я решила, что непременно выпью свой любимый кофе, как полагается, не торопясь, без спешки, с чувством, с толком, с расстановкой.

Я закончила смаковать свой любимый напиток и начала собираться в администрацию Волжского района. Раздвинув дверцы шкафа-купе, я пробежалась взглядом по своему гардеробу. Для визита в подобное учреждение необходим строгий костюм. У меня было несколько нарядов как раз для таких случаев. Я сняла с плечиков ансамбль, состоящий из темно-зеленого короткого пиджака и юбки-карандаш, тоже зеленого цвета, только на тон светлее. Кажется, это то, что надо: и строго, и в то же время женственно. Теперь осталось только причесаться и нанести легкий дневной макияж, и – можно отправляться в путь. Я обулась в элегантные «лодочки» бежевого цвета на высокой шпильке, спустилась вниз, села в свою «девятку» и отправилась в администрацию.

Миновав зону охраны и войдя в просторный вестибюль, я подошла к столу, за которым сидел дежурный.

– Здравствуйте, мне необходимо пройти к Городенчикову Константину Максимовичу, – сказала я.

– По какому вопросу? – спросил дежурный и как-то странно посмотрел на меня.

– По личному, – не вдаваясь в подробности, ответила я.

– Пройдите в пятнадцатый кабинет, это на втором этаже, – сказал он.

Я поднялась на второй этаж и, отыскав нужный кабинет, постучала в дверь.

– Войдите, – послышался густой баритон.

Я открыла дверь и оказалась в сравнительно небольшом кабинете. У самого окна стоял длинный стол для переговоров, за которым сидел мужчина. Его возраст приближался к пятидесяти годам. Ничего себе! И это Константин Городенчиков? Однозначно он не мог им быть. Ведь Клаша, соседка Алевтины Григорьевны, сказала, что Елизавета – старший ребенок в семье. Стало быть, если ей было тридцать шесть лет, то ее брату, Константину, должно быть еще меньше. Передо мной же сидел полный мужчина с начинающими седеть редкими волосами и умными карими глазами. И потом, он никак не был похож на человека, который злоупотребляет спиртным. Нет, это какая-то ошибка!

– Простите, меня направили в пятнадцатый кабинет, но мне нужен Константин Максимович Городенчиков, – сказала я прямо с порога.

– Проходите, пожалуйста, и присаживайтесь, – пригласил мужчина и жестом показал на стоявшее рядом со своим столом кресло.

Я прошла в глубь кабинета и села.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил мужчина.

– Пожалуйста. Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я частный детектив.

– Меня зовут Игорь Петрович Алексахин, – сказал муж-

чина.

– Очень приятно, Игорь Петрович, но мне нужен Константин Максимович Городенчиков, – сказала я.

Алексашкин вздохнул.

– Константин Максимович, к сожалению, не может вас сейчас принять, Татьяна Александровна.

– Вот как? А что с ним случилось? – спросила я.

– Он болен, – лаконично ответил Алексашкин.

– И давно? Давно он болеет? – спросила я.

– Татьяна Александровна, скажите, зачем частному детективу понадобился инструктор одного из отделов районной администрации? – вопросом на вопрос ответил Игорь Петрович.

– Я расследую убийство Елизаветы Максимовны Городенчиковой, меня наняла ее мать, Алевтина Григорьевна. В связи с этим я опрашиваю всех лиц, которые так или иначе контактировали с убитой. Согласитесь, что родной брат явно не был посторонним человеком для Елизаветы Максимовны.

– Лизу убили?! – ошеломленно произнес Алексашкин. – Но кто?

– Сейчас я это выясняю, Игорь Петрович, – ответила я.

– Но не хотите же вы сказать, Татьяна Александровна, что подозреваете в убийстве Лизы Константина? – спросил Алексашкин.

Я пожала плечами.

– Я подозреваю всех, Игорь Петрович. По мере рассле-

дования лишние фигуранты, конечно, отсеиваются. Но в самом его начале я непременно встречаюсь со всеми, кто хотя бы как-то, каким-то образом был связан с жертвой преступления, – ответила я. – Тем более что о Константине Максимовиче у меня самые противоречивые сведения. Алевтина Григорьевна поначалу отказалась отвечать на мой вопрос о том, чем занимается ее сын. Потом все-таки она нехотя сообщила, что Константин Максимович является бизнесменом. А вот ее соседка сказала, что работает в администрации и еще – что он пьет.

Тут я вопросительно посмотрела на Алексашкина.

– Хорошо, я вас понял, Татьяна Александровна, – сказал он. – Видите ли, я не случайно так подробно стал вас расспрашивать. Дело в том, что я был другом покойного Максима Трофимовича, отца Лизы и Кости. По его просьбе я и устроил Константина сюда. Но... В общем, соседка Алевтины сказала вам правду: Константин действительно алкоголик, причем запойный. Алевтину можно понять, какая же мать признается в том, что ее сын практически потерял человеческий облик. Вот она и придумала сказку про бизнес.

– И что же, он так очень быстро спился, что, как вы говорите, потерял человеческий облик? – спросила я.

– Увы, – со вздохом произнес мужчина. – Я нашел Косте хорошего врача-нарколога. Он весьма авторитетный специалист в своей области, его диагнозу можно верить на все сто процентов. Так вот, он сказал, что у Константина очень

сильная алкогольная зависимость. Ну вот наподобие той, которая бывает у некоторых народностей, и благодаря ей они моментально спиваются. Хотя у них это связано, кажется, с какой-то желудочной патологией или что-то в этом роде, я, знаете ли, не силен в медицине.

– Но Константин Максимович, насколько мне известно, не принадлежит к их числу, – заметила я.

– Вы правы, не принадлежит, – подтвердил Алексашкин, – так вот, нарколог провел с Костей подробное тестирование и вынес свой вердикт: если Константин не хочет умереть от цирроза печени или от алкогольной горячки, он никогда не должен брать в рот ни капли спиртного. Одним словом, все спиртные напитки ему строго противопоказаны. Причем ни в какой, даже в самой минимальной дозе. И ни в каком виде, даже на пиво накладывается табу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.